

Е. Л. Капустина

**СЕРЕБРО, ГЛИНА, ЛЮДИ:
СУДЬБА ДАГЕСТАНСКИХ
ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЕЛ
(на примере Сулевкента и Кубачи)**

Вступление

Один из почетных стереотипов о Дагестане связан с разнообразием различных народных промыслов, процветавших в прошлом на территории этого региона. И это тот случай, когда стереотип имеет под собой прочное фактическое основание. Еще О.В. Маргграф, описывая кавказские промыслы в 1882 г., уделил дагестанским ремеслам значительное место в своей книге «Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства»: «Высшее и наибольшее развитие кустарной промышленности оказывается в Дагестане, занимающем не более 1/10 части всего пространства, занятого остальными тремя северными областями (Терская, Кубанская, Ставропольская губернии)» [Маргграф 1882: XV].

Двадцатый век, принесший с собой волны индустриализации, технологический прогресс, экономические и военные потрясения, бросил вызов народным промыслам не только в республике, но и по всей стране. Какие-то ремесла сумели адаптироваться к новым условиям, вписались в современную жизнь и процветают. Какие-то хотя и выжили, но постоянно вынуждены бороться за свое существование, иные же ушли в прошлое, напоминая о себе лишь в музейных залах и антикварных лавках. Дагестанские народные промыслы также прошли этот нелегкий путь и не все сегодня существуют, а угроза исчезновения в той или иной степени может коснуться каждого из уцелевших.

В статье речь пойдет о двух видах традиционных дагестанских ремесел, имеющих богатую историю, и о двух селениях, расположенных в нескольких километрах друг от друга, судьбы которых были тесно связаны, но, тем не менее, в XX в. стали развиваться по принципиально разным сценариям. Речь пойдет о судьбе ремесленных центров Дахадаевского района — селе ювелиров Кубачи и селе гончаров Сулевкенте.

Кубачинское искусство серебряных дел мастеров широко представлено в музеях нашей страны и за рубежом, есть прекрасные образцы ювелирного промысла и в МАЭ РАН. Однако до недавнего времени в собраниях МАЭ не числилось ни одной единицы керамики из селения Сулевкент. Сулевкентская керамика хранится в собрании другого этнографического музея города — РЭМ (представлена в колл. № 3005, 2034, 5073, 11098, 5846, 5863, 12945). Однако практически все поступления датированы первой половиной XX в. С чем связано такое невнимание к изделиям сулевкентских мастеров? Отнюдь не качество работы гончаров тому виной — существующие в фондах РЭМ предметы, выполненные на высоком уровне, красноречиво тому подтверждение.

В 2006¹, 2012 и 2013² гг. мною были совершены экспедиционные поездки в Дагестан, и помимо других селений работа велась в двух вышеупомянутых селах — Сулевкенте и Кубачи. В результате этих выездов мною была собрана коллекция предметов быта селения Сулевкент и образцы сулевкентской керамики первой половины XX в. (колл. № 7524-1, 2, 7544-1). Помимо этого я привезла образец современного гончарного производства Сулевкента (№ 7524-3).

Вышеупомянутые коллекции натолкнули меня на размышления о судьбах традиционных промыслов в соседних селах, которые сложились совершенно по-разному. Чтобы разобраться в причинах этого, необходимо поместить историю рассматриваемых ремесел в XX в. в более широкий контекст. Поэтому начну с истории самих селений.

Кубачи — метрополия десятков колоний

Библиография о Кубачи достаточно обширна, о селении написано множество этнографических, искусствоведческих и исторических трудов. В цели статьи не входит задача описания особенностей ювелирного кубачинского промысла в деталях или полновесная история селения. Однако пунктирно следует описать основные исторические события, имеющие отношение к развитию ремесла.

Упоминание о селении встречается уже в средневековых арабских источниках, таких как сочинения Баладзори и Масуди (IX—X вв.): Кубачи вместе с некоторыми окрестными селениями назван «страной Зирихгеран», «страной кольчугоделателей». Само название Кубачи, по некоторым версиям, происходит от тюркского «бронники». В XVIII в. уже европейские путешественники отмечали уникальность Кубачи как центра металлообработки, известного и уважаемого всем Кавказом. Помимо вооружения — кольчуг, шлемов, кинжалов, мечей — кубачинцы преуспели в изготовлении медной и бронзовой посуды, в частности знаменитых кубачинских котлов. В XIX в., особенно после окончания Кавказской войны, кубачинцы активно осваивали российский рынок: помимо оружия (его доля постепенно снижалась) изготавливали медную и серебряную посуду, подстаканники, портсигары, столовые приборы. Кубачинские мастера начали выставлять свои произведения на всероссийских и зарубежных выставках. С конца XIX — начала XX в. кубачинцы освоили

¹ В 2006 г. экспедиция проводилась под руководством Ю.Ю. Карпова.

² Я очень благодарна Ю.М. Ханмагомедову за помощь в организации экспедиций 2012 и 2013 гг.

антикварный рынок, занимаясь скупкой старинных ювелирных украшений, посуды, предметов искусства по всему Кавказу.

В 1923/1924 г. была создана металлообрабатывающая артель «Кубачинский художник». Она работала с переменным успехом, позже сменила название на просто «Художник», а затем была переоформлена в художественный комбинат, правопреемник которого функционирует до сих пор.

На данный момент Кубачи — поселок городского типа (единственный в горном Дагестане). Кубачинцы изготавливают главным образом разнообразную ювелирную продукцию, серебряные сервизы, портсигары, сувенирное оружие и столовые приборы. При этом сами они не занимаются изготовлением клинков, войдя в кооперацию с лакскими мастерами, которые делают не только клинки (как бутафорские, так и из настоящей стали), но и сами кинжалы и шашки, украшая их чернью и гравировкой.

В свете задач статьи следует отметить, что переселенческий бум в Дагестане XX в. затронул и Кубачи. Так, еще в ходе экспедиции 1944 г. Е. Шиллинг отмечал отток мастеров с семьями из селения: «В последние годы из аула, по неполным данным, выехали от 60 до 80 лучших мастеров, не считая людей средней квалификации. Достаточно пройтись по кубачинским улицам, чтобы ясно почувствовать картину начавшегося запустения» (цит по: [Махмудова 2013: 12]). В послевоенные годы кубачинцам, как и многим другим жителям горных районов Дагестана, в рамках переселенческой политики в республике было предложено переехать в равнинные районы. Однако сельчане отказались переселяться как на север, так и в Южный Дагестан, в Карабудахкентский район. Не состоялось стихийного переселения в равнинный Дагестан и в 1980–1990-е годы. В результате сегодня в равнинном Дагестане нет селения, где компактно проживали бы выходцы из Кубачи.

Однако для местных ремесленников чрезвычайно характерной была практика отходничества — временной трудовой миграции. Так, значительное число кубачинцев издавна уезжало из селения в крупные города российского Кавказа, где они открывали свои мастерские. Уже в 80-х годах XIX в. можно было встретить кубачинских мастеров не только в Тифлисе, Баку и Владикавказе, но и в некоторых городах центральной России, Османской империи, Персии, арабских государствах [Шиллинг 1949: 17].

В советский период организованная в селении артель, а затем и художественный комбинат давали кубачинцам определенное количество рабочих мест. Тем не менее некоторые мастера все равно предпочитали уезжать на заработки за пределы села и заниматься индивидуальным производством. С 1960-х годов кубачинцев, как и многих ремесленников-отходников из Дагестана, манили не только традиционные для них маршруты — города Закавказья, но и населенные пункты советской Средней Азии, где кубачинские ювелиры нашли новые рынки сбыта своей продукции. Поэтому уже в позднесоветский период в городах Узбекистана и Таджикистана проживало большое количество выходцев из Кубачи. Хотя семьи уехавших в эти края мастеров владели там домами и жили там постоянно, но их связи с исторической родиной не обрывались. Как правило, кубачинцы, жившие в Средней Азии, приезжали в селение во время свадеб и похорон кого-либо из родственников или проводили у родни все лето. Женихов и невест для молодых людей часто также присматривали в Кубачи, поскольку существовала ориентация на браки с од-

носельчанами (к слову, это актуально и для современного Кубачи), браки с местными жителями (русскими, узбеками и т.п.) были редкостью.

В 1990-е годы наметилась новая тенденция — возвращение «кубачинцев-среднеазиатов» в Дагестан, начавшееся после распада СССР и продолжающееся до настоящего времени. По оценкам одного из информантов, сейчас в Кубачи проживает около ста семей, возвратившихся из Средней Азии. По словам некоторых из них, Кубачи не только не постигла участь многих горных селений, стремительно теряющих свое население, но и в некоторой степени увеличилось число постоянных жителей.

Есть еще одна причина у кубачинцев, долгое время живших вне Кубачи, возвращаться в родное село. Мастера могут заниматься обработкой серебра на дому, а для некоторых технологических операций, таких как, например, прокат серебряных листов и полировка, используется оборудование ГУП «Кубачинский художественный комбинат». К тому же особенность современного кубачинского технологического процесса — в разделении труда. Каждый мастер выполняет только определенный вид работ: кто-то формует изделие, затем следующий проводит чернение, потом идет филигрань, гравировка и, наконец, дополнительная гравировка. Всего в изготовлении одного изделия могут участвовать 3–6 мастеров. Иногда жены помогают своим мужьям. В итоге мастера-кубачинцы, несмотря на естественную конкуренцию между собой, порой нуждаются друг в друге, и это является еще одним стимулом, чтобы жить вместе.

Там чем удобно, если он, допустим, гравировщик, значит, есть там рядом тот, кто может монтировать. Это и есть удобство. Плюс к этому, у всех кубачинцев, которые жили не в Кубачи, но имели корни, имеются свои дома. Зачем возвращаться куда-то, если есть свой готовый дом [ПМЕК 2011, М, 40, г. Махачкала].

Хотя стоит отметить, что есть определенное количество мастеров, самостоятельно выполняющих всю работу от начала до конца (порой силами всей семьи).

Изделия из драгоценных металлов должны в обязательном порядке пройти пробиравание в государственной пробирной палате. Этот этап может проводить как сам мастер, так и перекупщик. Как правило, процесс пробиравания не является для мастера проблемой, контакты с пробирными палатами у сельчан налажены.

Готовое изделие покупают перекупщики, как правило, также кубачинцы. Перекупщики-некубачинцы тоже приезжают в селение, в основном в летний период.

В какой-то мере можно говорить о государственной поддержке кубачинского промысла. В республиканской целевой программе развития художественных народных промыслов на период до 2010 г. ГУП «Кубачинский художественный комбинат» включен в государственный свод особо ценных объектов культурного национального достояния Республики Дагестан [Все о Кубачи].

Поддержка промысла проходит и на уровне школ: существует специальный урок «Основы кубачинского искусства», где школьники изучают виды традиционного кубачинского орнамента и постигают основы мастерства. Дети,

особенно мальчики, уже с младшего школьного возраста начинают также учиться у своих родственников соответствующему искусству. Достигнув подросткового возраста, они уже сами могут изготавливать несложные вещи.

В Кубачи стремятся переселиться выходцы и из других селений района. Хотя кубачинцы жалуются на то, что работа с серебром приносит незначительный доход, многие семьи, особенно молодые, не держат домашний скот, предпочитая покупать мясомолочную продукцию у соседей или в соседних селениях, практически не заняты кубачинцы и в сфере торговли и обслуживания в селе.

Способствует появлению приезжих не только наличие рабочих мест и пастбищ, принадлежащих селению, но и возможность снять здесь дом. Так, существует практика, когда кубачинцы, постоянно проживающие за пределами Кубачи, но имеющие там дом, бесплатно поселяют в нем выходцев из других селений. Как правило, речь идет о домах в старой части Кубачи, которые в отсутствие должного ухода быстро ветшают и разваливаются, поэтому временным жильцам поручается за ними следить. Однако некоторые информанты склонны видеть причину обветшания старых домов именно в активной хозяйственной деятельности постояльцев: те стараются заводить скот и содержат его в хозяйственных помещениях, расположенных на первых этажах домов. Это, по мнению некоторых информантов, и приводит к повышению уровня влажности и как следствие — к порче дома.

Таким образом, коренные кубачинцы и переселенцы занимают различные экономические ниши и практически не вступают в отношения открытой конкуренции. Можно сказать, что наличие переселенцев позволяет многим кубачинцам всецело заниматься своим ремеслом.

Гончарный круг и три Сулевкента

Селение Сулевкент располагалось в нескольких километрах от Кубачи на берегу реки Уллучай. История возникновения селения тесно связана со знаменитыми соседями. Согласно большинству легенд о происхождении Сулевкента, здесь обосновались выходцы из Кубачи. По одной версии, это были выселенные семьи, по другой — добровольные переселенцы, однако родственные отношения с жителями серебряной столицы Дагестана осознаются всеми сулевкентцами, кто хоть немного осведомлен об истории своей малой родины. Связь с Кубачи прослеживается и в языке — кубачинский и сулевкентский наречия очень близки друг другу, при этом значительно отличаясь от вариантов даргинского языка большинства селений Дахадаевского района. Специалисты выделяют их в отдельный кубачинский (арбуковский) язык, который подразделяется на собственно кубачинский вариант (Кубачи, Амузги, Шири) и сулевкентский [Магомедов 1963]. К кубачинскому языку причисляют также языки жителей селений Ашты и Дирбаг [Магомедов 2011: 28]. По словам информантов-сулевкентцев, различия между кубачинским и сулевкентским наречиями присутствуют главным образом в говоре и лексике.

Ремесленной специализацией селения было гончарство. Гончарное производство в Сулевкенте известно по меньшей мере с VIII–X вв., первоначально представляя собой лепную посуду с простым налепным и нарезным украшением. Затем, с появлением гончарного круга, изделия стали более совершенны-

ми, развилась орнаменталистика, примерно в XII в. появилась роспись ангобом. Расцвет гончарства пришелся, по мнению Э. Кильчевской и А. Иванова, на XVII–XVIII вв., когда сулевкентцы вывозили свою продукцию в крупные торговые центры Южного Дагестана и в Дербент. В XIX в. ими уже были хорошо освоены рынки Северного Дагестана и практически весь Северный Кавказ. Однако авторы утверждают, что к началу XX в. сулевкентский промысел находился в упадке и высокохудожественные изделия сменились простой хозяйственной посудой [Кильчевская 1959: 25–34].

По одной из легенд, ремеслу местных жителей обучил приезжий грузин. Есть также легенда, согласно которой гончарное мастерство другого известного центра, Балхар, было принесено туда из Сулевкента.

Один из лакецев дружил с сулевкентцем и, переезжая из одного села в другое, лудил, паял. И оказался у одного из сулевкентцев, тот начал спрашивать — как ты, женился, не женился. Лакец сказал, что нет, не случилось. «А если из своих не нашел — есть у нас одна. За матью ухаживала, так и не вышла замуж, но хозяйка что надо». Присмотрелся (лакец), согласился, забрал ее к себе. А там она обучила гончарству местных, балхарских женщин. Что знала. Но не знала она о поливе ничего, вот и нет у балхарцев поливы. Поливу держали в секрете. И имя ее хранят. Вот, из Сулевкента им пришло [ПМЕК 2012, М, 45, Сулевкент].

Подобно серебряных дел мастерам, гончары Сулевкента большую часть своих доходов получали, занимаясь ремесленным трудом. Многие мастера изготавливали керамические изделия в самом селении. Примечательно, что хотя сулевкентское гончарство — мужской промысел, тем не менее все члены семьи в той или иной мере участвовали в производстве продукции. Женщины чаще всего месили глину, помогали с обжигом, занимались росписью. Есть версии, что они участвовали во всех стадиях производства, за исключением «вытягивания» изделия — его лепки (как правило, на гончарном круге). В Сулевкенте мне не раз было рассказано уже ставшее шуткой воспоминание о том, что невест там выбирали по размеру их ступней, ведь чем больше была ступня девушки, тем легче ей месить глину.

Дети достаточно рано приобщались к гончарному делу — уже с 7–9 лет они начинали учиться работать на гончарном круге и делать простейшую посуду — тарелки, чашки. Процесс ученичества был нелегким, неумелым ученикам, не сумевшим вытянуть кувшин, мастер мог шлепнуть кусок глины, не превратившийся в изделие, прямо на голову. Информанты, смеясь, говорили, что подобная система воспитания стимулировала детей прилежно учиться. К примеру, знаменитому мастеру XX в. Аглабу Гаджиеву разрешили делать блюда в 9 лет, после двух лет ученичества. Научившись, дети включались в процесс производства.

Сулевкентский промысел не может похвастаться такой обширной библиографией, как кубачинский, лишь в немногих изданиях ему уделено внимание, и описания весьма лаконичны. Из тех изданий, что мне известны, наиболее полно ремесло гончаров Сулевкента описано в работе Е.М. Шиллинга по материалам его визита в Сулевкент в 1936 г., которая вошла в его классический труд «Кубачинцы и их культура» (1949 г.). Знаменитый этнограф описал про-

цесс добычи глины, ее подготовки, лепки на круге, нанесения узоров и обжига изделий в печах *таруп*. Интересно, что, по описаниям исследователя, печи были общественной собственностью. Строгая регламентация сроков и очередности обжига достигалась путем контроля со стороны всего сообщества и системы штрафов (*хика*). Обжиг разрешалось делать после окончания сельскохозяйственных работ, т.е. с октября до начала января. Исключение делали лишь для бедных хозяйств. Шиллинг описывает случай, когда разжечь печь разрешили человеку, не имевшему лошади и три года бывшему в отъезде в Чечне [Шиллинг 2012: 221]. Затем зимой гончары реализовывали свою продукцию на базарах, как правило, разъезжаясь по другим селениям, подчас очень далеко — в даргинские и лакские районы, в Южный Дагестан.

Для таких торговых экспедиций сельчане нередко объединялись в артели, выезжавшие на длительный срок. По рассказам информантов, артели, в зимние месяцы продававшие свою продукцию вдали от дома, договаривались возвращаться в одно и то же время, весной, и нередко ожидали друг друга, чтобы вместе вернуться в селение. Это подтверждает и Е. Шиллинг, отмечая, что встреча возвращавшихся к маю гончаров была назначена в Маджалисе, причем те, кто, не дождавшись товарищей, уезжал в Сулевкент раньше, также подвергались штрафу [Шиллинг 2012: 220]. По данным Шиллинга, на 1936 г. в селении не было опыта организации ремесленной артели.

Некоторые мастера уходили отходниками в другие села и города, в том числе за пределы Дагестана, изготавливая свои изделия в других городах и селах и подолгу живя там. До переселения 1944 г. популярными направлениями были кумыкская плоскость Северного Дагестана, Чечня, Ингушетия, крупные города Северного Кавказа (Нальчик, Владикавказ). Так, один из последних мастеров-сулевкентцев Аглаб Гаджиев до войны жил и работал в Чечне несколько лет. Основное условие такого временного поселения — наличие неподалеку подходящей глины. Мастера договаривались о постое, сооружали печь для обжига и начинали работать на местный рынок.

Шиллинг пишет, что неполивная керамика преобладала в самом Сулевкенте, а вот в Чечне и в некоторых местах вне Сулевкента мастера могли делать поливную зеленовато-коричневую керамику, руководствуясь запретом общества делать такую в родном селе [Шиллинг 2012: 220]. В 1940 г. исследователь отметил, что глазированные вещи изготавливались только по специальным заказам, если они поступали, часто это посылаемые на выставки замысловатые фигурные кувшины [Шиллинг 2013: 77]. Однако уже к середине XX в. именно поливная керамика стала основным вариантом производства (согласно Э. Кильчевской и А. Иванову, поливная керамика начала распространяться в Сулевкенте уже в XIX в. [Кильчевская, Иванов 1959: 38]). Цвет поливы зависел от ингредиентов. Несмотря на общую технологию, каждый мастер обладал своими секретами производства. По цвету керамики можно было определить мастера: к примеру, у одного из последних мастеров Сулевкента Алибулата изделия выходили темно-коричневыми (свой рецепт поливы он хранил в секрете и из-за этого даже не хотел вступать с другими в производственную артель, об этом ниже), а мастер Аглаб, его современник, предпочитал зеленоватые оттенки (пример — кувшин № 7524-1). Позже он использовал для поливы привозимый из Нальчика порошок, который доставал через знакомых в местном керамическом цеху. Но цветовую гамму, привычную

в своей работе, не менял. Одно время (по полевым данным — в середине XX в.) в качестве поливы могли использовать раствор на основе оксида свинца, что делало ее серебристой. Однако с последним способом возникли проблемы, что однажды привело к неприятностям. Информанты рассказывали о судебном процессе во Владикавказе, где слушалось дело о массовом отравлении, причиной которого была названа сулевкентская посуда, покрытая свинцовой поливой. Правда, мастер настаивал тогда на ее безопасности и в подтверждение своего мнения демонстративно выпил воды в зале суда из своей «подозрительной» чашки.

При этом сулевкентцы также занимались земледелием и скотоводством, обрабатывали террасы, которыми славится весь Дахадаевский район. Однако в селении наблюдалась проблема с водой, что затрудняло труд на земле.

До 1940-х годов принцип организации жизни жителей обоих сел в целом повторял уклады многих других ремесленных центров района и всей нагорной части Дагестана. Однако миграционные процессы XX в. внесли свои коррективы в развитие горного села, драматическим образом изменив его историю. Подобно многим другим селениям горной зоны Дагестана, жители Сулевкента в 1944 г. были переселены на территорию Чечни, в опустевшие после депортации чеченские села. Сулевкентцы и жители еще восьми селений, из которых пять были из Дахадаевского района [Курбанов 2009: 206], были переселены в с. Майртуп (Курчалоевский, а с 1944 по 1957 г. — Шурагатский р-н), которое, в свою очередь, было переименовано в Сулевкент.

Вынужденные обосноваться на новом месте сулевкентцы не изменили своей ремесленной специализации, несмотря на тот факт, что земля в Чечне была более плодородна, чем в родных горах. В то время как остальные даргинские переселенцы стали заниматься сельским хозяйством, большинство сулевкентцев-гончаров организовало артель по производству черепицы (хотя огородничество и скотоводство они также не забывали — этим занимались члены семей мастеров). При этом помимо работы на колхоз каждый из мастеров тайком устраивал в своем дворе печь и по ночам трудился за гончарным кругом, работая уже на себя. Были и те, кто продолжал заниматься отхожим промыслом и выезжал на работы за пределы своего нового селения.

1957 г. опять внес существенные изменения в жизнь сулевкентцев — начали возвращаться из ссылки чеченские семьи. Встал вопрос о повторном переселении обратно в Дагестан. В этом случае сельчанам всех сел, переехавших в Чечню из Дахадаевского района, предложили несколько вариантов переселения. Однако речь главным образом шла не о возвращении на старое место, а о новом размещении в предгорных и горных районах республики. Сулевкентцам были предложены такие варианты, как земли в родном Дахадаевском районе (чуть ниже, в долине), близ п. Родниковое (расположенном недалеко от трассы Махачкала — Дербент в сторону Маджалиса), был вариант и у самого Хасавюрта, недалеко от поселений чеченцев. Тем не менее большинство сулевкентцев выбрало в качестве места для своего нового села территорию между Хасавюртом и Бабаюртом. Причины такого выбора и правильность его до сих пор обсуждаются сельчанами. Одна из самых распространенных версий, почему именно это место приглянулось сельчанам, — пригодность здешних земель для разведения кукурузы, ставшей в те годы очень популярной культурой.

М79: — Несколько раз люди собирались, обсуждали, митинговали, куда переехать, поехать. Месяцами длилось это.

Соб.: — Почему решили все-таки сюда?

Ж75: — Здесь кукуруза очень хорошо росла. Голодные годы.

М79: — Они увидели, что здесь початки очень хорошие [ПМЕК 2012, М79, Ж75, Сулевкент].

Ж50: — В голодное время, раз кукурузы много растет — давайте сюда. И подальше от города, потому что наши ребята любят ездить, буйнить, поэтому подальше от города [ПМЕК 2012, Ж, 50, Сулевкент].

Этот населенный пункт также получил название Сулевкент.

Однако относительная добровольность этого переселения позволила некоторым сулевкентским семьям выбрать другие направления для нового места жительства. Так, несколько семей обосновались в с. Малакент недалеко от Маджалиса. Некоторые сулевкентцы вообще предпочли вернуться в старое, горное, село Сулевкент. Выбор этот был нелегким — за 13 лет их отсутствия строения в горах обветшали, а всю хорошую утварь унесли предприимчивые соседи сразу после стремительного переселения сулевкентцев в Чечню.

Тем не менее несколько семей (речь идет о паре десятков) в течение последующих нескольких лет пытались наладить жизнь на прежнем месте. Среди тех, кто вернулся, были и гончары, которые возобновили свою деятельность и продавали гончарные изделия в окрестных селениях. В одном из домов (новые дома переселенцы построили на другом берегу реки, на землях, которые прежде предназначались для сельскохозяйственных нужд) даже была открыта начальная школа, преподавателем назначен кубачинец. Однако отсутствие дорог, сложности с водопроводом, общая неустроенность давали о себе знать. Больше всего неудобств, по словам информантов, доставляла необходимость постоянных выездов в равнинное селение, к родственникам (похороны, свадьбы и другие мероприятия, требовавшие обязательного присутствия в домах родных). Кроме того, местная речка Уллучай периодически разливалась и подтапливала дома. В результате на шестой-седьмой год, к середине 1960-х годов, практически все переселились в новый Сулевкент, расположившийся в Хасавюртовском районе.

Этот Сулевкент, уже третий по счету, активно включился в сельскохозяйственную деятельность на своих равнинных землях. С тех пор селение славилось прекрасными садами, виноградниками, пшеницей, кукурузой. Здесь был организован колхоз имени 40-летия Октября, затем преобразованный в совхоз и далее — в винсовхоз. Однако гончарное ремесло в этом месте резко и неумолимо начало увядать. Во второй половине XX в. жители называют не более десятка мастеров, все еще работавших на гончарном круге, из них лишь несколько были так успешны, что кормили этим свою семью. Вместо общих печей в селении образовалось несколько частных тарупов.

Тем не менее некоторые из таких мастеров предпринимали попытки продолжить практику отходничества. Уже упоминавшийся мастер Аглаб был наиболее успешен и около шести лет (в конце 1960-х — начале 1970-х годов) провел в Южном Дагестане, в Касумкенте, работая там под покровительством местного колхоза. За время пребывания в этом селении (он работал с женой Пирдаз, которая помогала ему в реализации, дети оставались в Сулевкенте с родственниками) Аглаб заработал неплохие деньги, но все же принял решение вернуться в Сулевкент. Работал он и в других районах республики, например в Ахвахском.

Нельзя сказать, что местные энтузиасты не предпринимали попыток поддержать уходящее ремесло. В 1982 г. усилиями Сулеймана Меджидова, получившего художественное образование в Дагестанском педагогическом университете (сейчас он работает директором сельской школы), в Сулевкенте был организован художественный комбинат. Целью организации комбината стало объединение оставшихся мастеров-гончаров, оптимизация системы заказов, доставки сырья и сбыта. Примечательно, что, по словам С. Меджидова, утверждению этого начинания республиканскими чиновниками поспособствовал выходец из с. Кубачи.

В комбинат вошли семь мастеров — все работающие гончары селения, кроме Алибулата, который якобы не хотел выдавать секретов своего мастерства конкурентам. Комбинат подчинялся напрямую районной администрации. В выделенном помещении была сделана большая печь для обжига, глину централизованно привозили из соседнего Андрей-аула и, по некоторым данным, из Чечни. Сбыт также осуществлялся централизованно — продукция сдавалась мастерами по накладным, а С. Меджидов, взявший на себя обязанности администратора процесса (ему выплачивали зарплату из района, мастера же работали с выручки и зарабатывали около 300–350 рублей в месяц), отвозил ее на реализацию по окрестным магазинам. Транспорт также предоставляли из района. Однако налаженная работа продолжалась недолго — уже в 1984 г. комбинат решили закрыть, по словам Сулеймана, районным властям он показался невыгодным. Из всех мастеров комбината в частном порядке продолжили заниматься гончарством лишь двое — Аглаб Гаджиев и Гаджи Алиев. Последний специализировался на цветочных горшках и работал в цеху в Гаджиауле, под Махачкалой.

В местной школе также предпринимались попытки организовать кружки, где детей обучали бы гончарному делу. Но, судя по моим данным, эта деятельность не дала серьезных результатов — новых мастеров в селении не появилось.

Абуталиб и Аглаб — последние мастера, работавшие в Сулевкенте по традиционной технологии. Оба к концу советского периода были уже пожилыми людьми. Учеников ни у кого из них не было. В итоге можно считать, что сулевкентцы окончательно перестали заниматься гончарством в селении к концу 1980-х годов, последний из мастеров, Гаджи Алиев, умер в 2010 г., будучи в очень преклонном возрасте.

Но на этом история гончарства в Сулевкенте не закончилась. Были приняты попытки возрождения ремесленной традиции в селении. Одна из них — в начале 1990-х годов, но мастера также не захотели работать сообща, и все прекратилось.

В конце 2000-х годов появились публикации в местной прессе, в которых утверждалось, что ремесло гончаров, казавшееся утраченным, решил возродить один из сельчан-энтузиастов. В последние годы таких публикаций становится все больше (см., например: [Шмонин 2011]).

Речь идет о мастерской, организованной в Сулевкенте Рустамом Шахбановым. Мастерская представляет собой дом с двором. В доме есть комната с гончарными кругами, там обучают гончарству интересующихся подростков. В основном помещении стеллажи с продукцией, главным образом сувенирной, а также с вазами, цветочными горшками и другими гончарными предметами, имеется и печь для обжига современной конструкции.

Приведу отрывок из интервью с ним корреспондента республиканского виртуального издания в 2011 г.

В 1999 году мы организовали предприятие «Сулевкентская керамика», — рассказывает потомственный гончар Рустам Шахбанов, ныне возглавляющий многовековой народный промысел. — Считаем, что это доброе дело, прославляющее наш древний аул, не должно погибнуть, навсегда уйдя в историю. Мне довелось в свое время побеседовать с тогдашним председателем Госсовета Дагестана Магомедом Магомедовичем Магомедовым о возобновлении нашего народного промысла, и он всецело поддержал нас. Поддержку оказывает сулевкентцам и его сын, Президент Республики Дагестан Магомедсалам Магомедов. Промысел развивается в рамках целевых программ Комитета правительства РД по народным промыслам, при активной поддержке руководства. Поддерживает нас и МО «Хасавюртовский район», сельская администрация, управления культуры и образования района [Шмонин 2011].

Как видно из этого отрывка, поддержка сулевкентскому гончарному возрождению была оказана на высоком республиканском уровне. Руководитель в разговоре не без гордости отмечал, что с продукцией своей мастерской он принимает участие в различных региональных и всероссийских конкурсах народных промыслов. В 2014 г. появились изделия новых сулевкентских мастеров и во многих сувенирных магазинах Махачкалы.

Нельзя сказать, что стилистически мастера не стараются подчеркнуть преемственность с образцами старого сулевкентского гончарства — имитация небрежной коричневой поливы, форма носиков кувшинов и повторение выемки для пальца на краю кружек тому подтверждение. Однако наряду с кувшинами и чашками, нередко повторяющими форму старых образцов сулевкентской керамики, цех выпускает, к примеру, заварочные чайники, которые уже не имеют никакой стилистической связи с традиционным сулевкентским стилем и скорее напоминают популярные сейчас глиняные чайники, производимые в Китае, или вазы в виде изящно изогнутого женского стана в европейском платье.

Насколько мне удалось понять из осмотра помещения цеха, где были выставлены многочисленные работы, а также при обзоре сулевкентской сувенирной продукции в махачкалинских магазинах, есть одно важное технологическое отличие новой сулевкентской керамики от старой. Новые образцы лепятся не на гончарном круге, а выполнены при помощи специальных форм. Две половинки кувшина отливаются из двух симметричных форм, которые затем примазываются друг к другу и обжигаются.

Таким образом, можно отметить, что «возрождение древнего промысла» пока пошло по пути кардинального изменения/упрощения технологии лепки изделия, и имеет мало общего с работами даже 30-летней давности.

Кубачи и Сулевкент: успехи и неудачи коммодификации

Итак, можно подытожить краткую историю промысла — кубачинское ювелирное и сереброобрабатывающее производство по-прежнему существует и, более того, приносит определенной части кубачинцев основной доход. Гончарное искусство Сулевкента фактически прекратило свое существование,

несмотря на попытки возрождения ремесла (в том числе и продолжающиеся). Безусловно, не существует одной причины, объясняющей закат гончарного производства в Сулевкенте. Одна из важнейших, естественно, резкое снижение спроса на кувшины мастеров, так как на смену им уже с середины XX в. приходит обилие фабричной продукции, керамической, металлической и пластмассовой. Однако, на мой взгляд, не только этим можно объяснить фактическое исчезновение промысла как массового занятия сельчан. В Дагестане есть примеры ремесел, которые уже неактуальны с практической точки зрения, но все же сохранились до настоящего момента, и работы современных мастеров представлены и в музеях, и в сувенирных лавках республики. Наиболее удачный пример сохранения ремесла именно селение Кубачи, хотя, справедливости ради, не только оно (можно вспомнить об унцукульской насечке по дереву или балхарской керамике).

Другая причина, на мой взгляд, связана со степенью коммодификации того или иного ремесла в современных условиях.

В последние десятилетия исследователи-антропологи начали обращать внимание на такое примечательное явление, как превращение различных материальных и нематериальных элементов традиционной культуры в своеобразный товар. Этот процесс принято называть коммодификацией культуры (подробнее об этом: [Appadurai 1988; Корытоff 1988]). Стало очевидным, что то, что ранее называлось «элементами традиционной культуры народа», зачастую теряет свои изначальные бытовые и сакральные функции, превращаясь в товар, предлагаемый туристам, желающим окунуться в мир этнической экзотики. Причем товаром могут выступать не только элементы материальной культуры, но и ритуалы, образ жизни и т.п.

Процесс коммодификации тесно связан со степенью развития туризма, поскольку основными потребителями «этнического» товара выступают именно туристы. В этом вопросе у Дагестана изначальное уязвимая позиция: спокойный регион привлекает не так много туристов, и рынок сувенирной продукции недостаточно развит. Однако он есть: несколько магазинов в центре Махачкалы и Дербента дают возможность выбрать приезжему что-нибудь в подарок или на память. Кинув беглый взгляд на прилавки этих сувенирных лавок, можно сразу отметить: Кубачи смотрятся увереннее других центров ремесел, хотя их продукция не так дешева.

Истоки успеха именно туристического бренда Кубачи зародились еще во времена блестящих побед местных мастеров на парижской выставке и их работы в городах Северного и Южного Кавказа. Однако в XX в. ремесленникам неоднократно приходилось менять стратегии производства, технологию и ассортимент в складывавшихся новых политических, экономических и культурных условиях. В книге А. Магомедова подробно описана основная канва этого подчас драматического процесса. С начала Гражданской войны и на протяжении первых десятилетий советского периода кубачинские мастера испытывали сложности с поиском сырья, серебра и меди, что вынуждало их переходить на менее благородные сплавы. Например, женские кольца могли делаться из отходов жести, привозимых из Темир-Хан-Шуры, а в качестве замены поделочным камням в ювелирных украшениях использовались вставки из оплавленного стекла с подкладками цветной фольги или сургуча [Магомедов 2011: 187]. Такие украшения встречаются и в коллекциях МАЭ (колл. № 7496-1, 2).

Не только сбыт, но и смена основных заказчиков изменили стратегии мастеров. На смену казачеству и офицерству пришли советские номенклатурные чиновники и армейские чины. Богато украшенное оружие, традиционные пояса уже не пользовались спросом, но мастера приноровились делать «изящно выполненные значки РКСМ» и другие атрибуты новой политической силы. Кубачинцы освоили галантерею из цветных металлов, была отлажена техника литья серебряных ложек, изготовлялись портсигары, чернильные приборы, подстаканники, запонки, броши и т.д. [Магомедов 2011: 186–188].

В 1924 г. Кубачи откликнулись на призыв Дагестанского экономсовета организовать художественную артель, которая с переменным успехом налаживала совместную работу кустарей и пользовалась поддержкой государства, решив проблемы с приобретением сырья и заказами. Мастера экспериментировали с новыми орнаментальными сюжетами, пытаясь угадать модные тенденции — появлялись изображения фабрик, самолетов, домен, а также портреты политических лидеров Советского государства. Уже с середины 1930-х годов по заказу союзных организаций работали кубачинцы и на экспорт, представляли страну на международных выставках, изготавливали подарки для общественных работников, советских и иностранных. Видные дагестанские деятели революции способствовали развитию артели (подробнее об истории артели см.: [Магомедов 2011]). О значимости кубачинского ремесленного центра для культурно-рекреационных нужд власти задумались достаточно рано. Уже в 1944 г. Е. Шиллинг писал о постановлении Совнаркома РСФСР об организации там музея [Шиллинг 2013: 23]. Наряду с этим развивалось изготовление массовой продукции, в частности пользовалось спросом столовое серебро. Очевидно, что художественная артель, в конце 1950-х годов преобразованная в Кубачинский художественный комбинат, удачно решила проблему перехода от частного производства к коллективному, обеспечила мастеров сырьем, заказами и каналами сбыта и, по словам А. Магомедова, способствовала «сохранению многих традиций искусства и ремесел этого центра» [Там же: 206]. Для ювелиров принадлежность к комбинату облегчала задачу пробирного клеймения изделий, которое, согласно советским законам, не разрешалось проводить индивидуальным мастерам. Фактически частное ювелирное дело было под запретом и каралось по закону [Магомедов 1999: 31]. Вот цитата из интервью с кубачинским мастером Гаджиомаром Изабакаровым, напечатанного в газете «АиФ в Дагестане»:

Частным лицам запрещалось заниматься изготовлением изделий не только из драгметалла, но и из меди, латуни, бронзы. Можно было запросто попасть в тюрьму, так как существовала статья «запрещенные промыслы». Доходило даже до курьезных случаев, когда человек делал дома ремонт, и на стук молотка туда сразу прибежали люди из финотдела, администрации. В связи с этим многим мастерам приходилось подкупать чересчур проворных чиновников, дабы те держали язык за зубами [Алимурадов 2004].

Многие ювелиры обходили этот запрет, работали подпольно, при этом часто вдали от Кубачи. Не случайно ремесленное отходничество получило свое развитие с открытием новых рынков в советских республиках Средней Азии и Закавказья.

Что касается Сулевкента, то, по сообщениям Е. Шиллинга, там артель не была организована, вместо этого существовала достаточно четкая регламентация ремесленного труда со стороны сельского сообщества и чрезвычайно процветало отходничество в другие регионы Дагестана и Северного Кавказа. Появившаяся в Чечне артель объединила мастеров, но очень ненадолго. Переселившись в Хасавюртовский район, гончары более не кооперировались вплоть до 1980-х годов. Последняя попытка объединения не могла существенным образом изменить создавшуюся ситуацию, ибо соединяла последних из мастеров, не имевших учеников.

В позднесоветский период туристическим объектом стало все селение Кубачи — сюда приезжали автобусы с отдыхающими, которым показывали не только музей серебряных дел мастеров, но и горное селение — неотъемлемый атрибут бренда. В итоге не только сами кубачинские изделия, но и вся специфика жизни серебряных дел мастеров стали объектами коммодификации. Можно отметить, что Кубачи «продавали» и как «традиционное дагестанское село» (а здесь действительно хорошо сохранились и архитектура, и бытовые элементы старой жизни), и как «город мастеров», источник сувениров другой продукции. В то же время расположенный в Хасавюртовском районе, далеко от интересов туристов, Сулевкент не обладал такой притягательностью, его место успешно заняло селение гончаров Балхар. В результате сулевкентское искусство, оставшись вне интересов процесса коммодификации, не нашло в себе достаточно внутренних ресурсов, чтобы сохраниться до наших дней.

Объяснением неуспехов гончаров-сулевкентцев в борьбе за собственный промысел может служить и ослабление связей между их ремесленным производством и сельской идентичностью. Безусловно, свою роковую роль сыграло переселение сулевкентцев из горного района в Чечню, а затем в Хасавюртовский район. На новом месте была необходимость налаживать быт, другие условия жизни и занятия новых соседей диктовали свои правила и переселенцам. В Дахадаевском районе Сулевкент окружали другие селения, жители которых специализировались на ремесле. Это было естественно, тем более что сельскохозяйственный труд в горах требовал больших затрат. На равнине же основная ставка была сделана именно на земледелие, которым занимались практически все соседи (тоже чаще всего переселенцы).

Несмотря на то что до 1950-х годов большинство семей так или иначе были связаны с гончарным промыслом, к началу 1980-х годов в селении осталось лишь восемь мастеров, работавших на гончарном круге, из них только один-два зарабатывали своим ремеслом на жизнь.

То есть за 30 лет практически все семьи бывших гончаров отказались от традиционного занятия сулевкентцев, несмотря на относительную доступность сырья и свободу передвижения. На мой взгляд, прямая связь между этим событием и потерей связи с горным селением существует. Сулевкент гончаров остался в горах, на равнине же процветал Сулевкент садоводов и виноградарей.

В подтверждение своего суждения приведу пример забывчивости своей ремесленной идентичности сельчанами.

На трассе, проходящей мимо Сулевкента, в советское время (очевидно, в 1970–1980-е годы) была установлена автобусная остановка, которая была украшена мозаикой, изображающей домашнюю птицу. Вроде бы непримечательный факт. Однако недалеко от Сулевкента, у соседнего села Казмаул в это

же время также поставили остановку. И она тоже была украшена мозаичным панно, только на этот раз там были изображены кувшины. Один из моих информантов рассказал, что при монтаже остановки просто перепутали местами, и село Казмаул, где была большая птицефабрика, получило сулевкентскую остановку с кувшинами, а сулевкентцы — с птицами. Так они и остались стоять до наших дней (сейчас панно практически утрачено). Интересно, что когда мне рассказывали об этой ошибке, другие участники беседы, сулевкентцы 50-летнего возраста, даже не вспомнили про мозаику, очевидно, эта история не возмутила спокойствия сельчан настолько сильно, как это могло быть, если бы ремесленная идентичность была сельчанам важнее.

Можно возразить, что в сулевкентской школе есть музей с образцами керамики, а на уроках истории и культуры Дагестана уделяется время и истории родного селения. Но связь эта скорее мемориальная. К примеру, почти никто из молодежи до 30 лет, по словам сельчан, не бывал на развалинах горного селения, равно как и в окрестных, живых, селах Дахадаевского района.

В качестве сравнения вспомним ситуацию в Кубачи. Можно с уверенностью сказать, что для кубачинцев их ремесло и сейчас важная составляющая сельской идентичности и одновременно с этим фактор, идентифицирующий их для других дагестанцев. Молодежь считает свое ремесло престижным и приносящим доход, поэтому многие молодые люди в селении работают с серебром, а жителей Кубачи, не являющихся кубачинцами по происхождению, старались не учить ремеслу, да и сами они, как описано выше, проживая в этом селении, делали ставку на другие виды хозяйственной деятельности. При этом и за пределами села кубачинцы успешно заняты своим производством. Более того, под кубачинскую марку с удовольствием подстраиваются и их соседи, к примеру занимающиеся серебряным делом жители с. Шири.

Земельный вопрос также сказался на степени сохранности традиционного ремесла. Поскольку с образованием художественного комбината и превращением Кубачи в поселок городского типа многие пахотные и пастбищные земли, принадлежавшие селению, были переданы другим селам, главным образом Уркарау, у Кубачи просто нет земельных ресурсов для развития, к примеру, товарного животноводства, которым занимаются многие горные села. Это еще сильнее отталкивает жителей от массового занятия скотоводством и земледелием, что дает больше шансов ремеслу ювелиров.

Сулевкентцы во второй половине XX в. реализовывали себя вне ремесла, не интересуясь в большинстве своем ремесленным отходничеством, предпочитали уезжать на стройки за пределы республики. Никто из молодежи не получил от родителей и дедов навыка обращения с гончарным кругом.

В заключение стоит заметить, что оба случая — кубачинский и сулевкентский — и уникальны, и вместе с тем типичны для Дагестана, чье ремесленное разнообразие в значительной мере подверглось испытаниям и было редуцировано как на протяжении всего XX в., так и в наше время. Е. Шиллинг, описывая ситуацию в 1944 г. и обоснованно опасаясь повсеместного упадка ремесел, тем не менее подчеркнул тот факт, что они еще существуют здесь, причем не как память, а как живая реальность. Этнограф поэтически назвал Дагестан «музеем людей, создающих памятники» (цит по: [Махмудова 2013: 19]). С учетом бурных и нелегких перипетий, случившихся с вышерассмотренными ремесленными центрами, да и не только с ними, можно уточнить это сравнение:

Дагестан — это лаборатория, в условиях которой люди сохраняют, утрачивают или преобразуют свое ремесленное наследие тем или иным способом под влиянием социально-экономических факторов и специфики функционирования идентичностей различного уровня, которые для них актуальны.

Источник

ПМЕК — Полевые материалы Екатерины Капустиной, собранные в 2006, 2012 и 2013 гг. в с. Кубачи Дахадаевского района и с. Сулевкент Хасавюртовского района Дагестана, а также в г. Махачкале.

Библиография

Алимурадов Н. Мастера, живущие на краю неба // *АиФ в Дагестане*. 2004. № 31. <<http://www.odnoselchane.ru/?com=articles§=9&page=article&id=169>>. Дата обращения: 14.02.2015.

Все о Кубачи и кубачинцах <<http://kubachi.info/publ/1-1-0-4>>. Дата обращения: 14.02.2015.

Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

Курбанов М.Р., Курбанов Ж.М. Народы Дагестана: история депортаций и репрессий. Трагедия и уроки. Махачкала, 2009.

Магомедов А.Д., Исраилов К.М. Ювелирное дело Дагестана и пробирный надзор. Махачкала, 1999.

Магомедов А.Д. Город мастеров. Очерки художественной культуры Кубачи. Махачкала, 2011.

Магометов А.А. Кубачинский язык. Исследование и тексты. Тбилиси, 1963.

Марсграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.

Махмудова З.У. Дагестанские экспедиции кафедры этнографии исторического факультета МГУ под руководством Е.М. Шиллинга: творческий поиск, находки, результаты исследования // *Дагестанские этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга (1944–1946)*. М., 2013. С. 5–22.

Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М., 1949.

Шиллинг Е.М. Дагестанская этнографическая экспедиция 1944 года // *Дагестанские этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга (1944–1946)*. М., 2013а. С. 23–29.

Шиллинг Е.М. Изобразительное искусство народов Дагестана // *Дагестанские этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга (1944–1946)*. М., 2013б. С. 43–94.

Шмонин А. Воистину вечный промысел. 2011. <<http://dagzhizn.ru/kultura-i-iskusstvo/voistinu-vechnyy-promysel-13-10-2013.html>>. Дата обращения: 14.02.2015.

Appadurai A. Introduction: Commodities and the politics of value // *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective* / Ed. by A. Appadurai. Cambridge University Press, 1988. P. 3–63.

Kopytoff I. The cultural biography of things // *The social life of things* / Ed. by A. Appadurai. Cambridge University Press, 1988. P. 64–94.

Рис. 1. Вид на с. Кубачи. Фото М. Солоненко

Рис. 2. Летом в горном селе встречаются кубачинцы,
приехавшие из разных мест повидать родственников.
Фото Е. Капустиной

Рис. 3. Кубачинская работа. Фото М. Солоненко

Рис. 4. Улица нового Сулевкента. Фото Е. Капустиной

Рис. 5. В домах пожилых сельчан еще можно найти сулевкентские гончарные изделия. Фото Е. Капустиной

Рис. 6. В музее сулевкентской школы. Фото Е. Капустиной

Рис. 7. Вдова мастера Аглаба Гаджиева Пирдаз показывает кувшин работы мужа.
Фото Е. Капустиной

Рис. 8. Мастерская Р. Шахбанова — попытка возрождения гончарного промысла в Сулевкенте. Фото Е. Капустиной

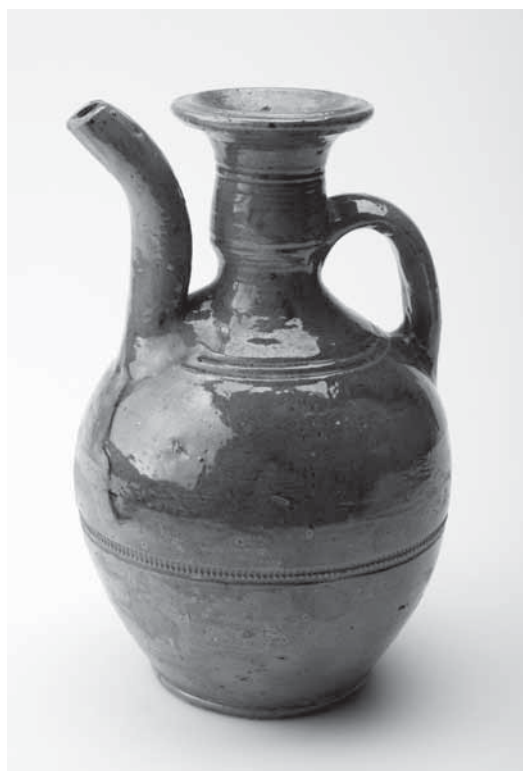

Рис. 9. Кувшин работы сулевкентского мастера А. Гаджиева.
Из собраний МАЭ РАН, № 7524-1

Рис. 10. Чашка работы неизвестного сулевкентского мастера.
Из собраний МАЭ РАН, № 7544-1.

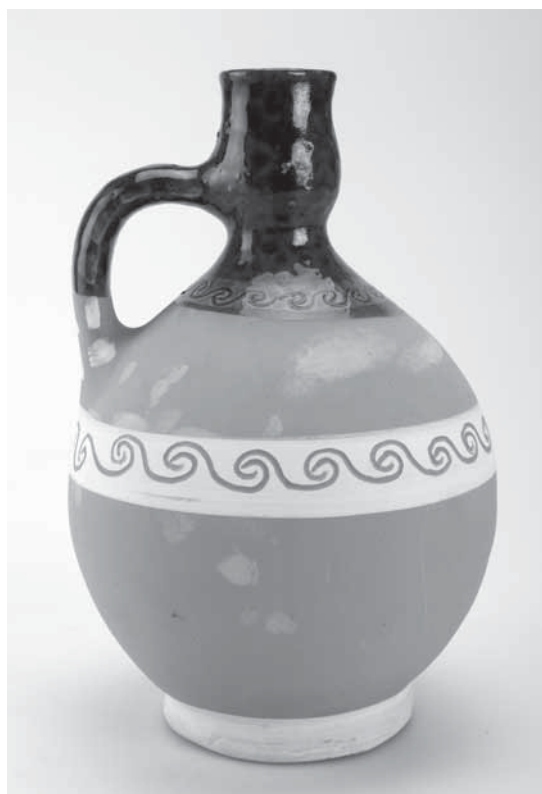

Рис. 11. Кувшин сувенирный, работа мастерской Р. Шахбанова.
Из собраний МАЭ РАН, № 7524-3.

Рис. 12. Кубачи и сейчас в какой-то мере сохраняет облик старого горного селения. Фото М. Солоненко